

A movie poster featuring actress Ulyana Gromova in the foreground, looking intensely at the camera with her arms crossed. She is wearing a dark, textured blazer over a black top. In the background, a man and a woman are in a romantic embrace; the man is looking at the camera while the woman kisses his cheek. The setting is a dimly lit, modern interior with warm lighting.

Громова Ульяна

МИНУС ТЫ

РАЗВОД В 40

Громова Ульяна

Минус ты

<https://litres.ru/74227487>

Аннотация

Мой брак рухнул в день юбилея моего мужа, когда он привел любовницу домой, уехал с ней на такси на всю ночь, а утром:

— Ну, если я такая утомительная, зачем ты вообще вернулся? Антон изменился в лице. — Ты зависишь от меня. Смотришь на меня снизу вверх. И делай это красиво, ладно? Потом поздно будет. — Ты же с ней спал. Без вопроса сказала. Без дрожи в голосе. Просто констатировала факт. Антон хмыкнул. — А если и да? Что дальше? — А в голосе ни вины, ни сожаления. Только глухой презрительный интерес — что я смогу ему ответить. — Ты не свободная женщина, Ирэн. Ты у меня в залоге... Меня словно сжало в кулак. Антон подошёл ближе. — ...А ещё — ты меня любишь. Даже сейчас. Особенно сейчас. Знаешь почему? Потому что я — твой центр. Без меня ты бы уже вообще развалилась. А пока ещё есть зубы и ресницы. И всё, что у тебя осталось — это я. И ты ревнуешь. Значит, я тебе важен. И ты никуда не денешься. Потому что боишься остаться одна.

Я не одна. Но как уйти, если у Антона в заложниках наш сын?

Содержание

— 1 —	4
— 2 —	13
— 3 —	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

— Мам, это невыносимо! — завопил сын, театрально зажав пальцами нос. — Я на тебя в суд подам!

Я засмеялась и вынула из духовки запечённую семгу. Румяная, с тонкой сырной корочкой и дольками лимона внутри, она пахла божественно.

— Мам, ну по-человечески же прошу! — взвыл Дениска снова. — Просто дай попробовать! Ну вот хоть это. — И потянулся к тарелке с наструганным хамоном.

И тут вошёл *он* — мой муж. В новой дорогой рубашке с расстёгнутыми манжетами, с влажными после душа волосами, окутанный океаническим запахом геля для душа. На лице — лёгкая довольная улыбка, будто он вот-вот отправится в nirvanу, в движениях — расслабленность и та самая уверенность, которая появляется у человека, когда он знает, что всё сегодня только для него.

Но так и есть — у Антона сегодня день рождения, исполняется сорок лет. И раз ещё не юбилей, мы решили праздновать дома, в кругу друзей и коллег Антона.

— Денис! Что я говорил про порчу маминых шедевров? — раздался его голос, в котором звучала притворная строгость.

— Что главное — вкус, а не красота! — весело парировал сын и сунул в рот ложку красной икры.

— Ирэна, помоги с запонками, — протянул Антон ко мне руки.

Эти запонки я заказала в магазине на Арбате ещё в прошлом году в сентябре. На них гравировка — инициалы Антона. Он надевает их по особым случаям. Последнее время — **особенно часто**.

Я ловко закрепила одну, потом другую.

— Ты ж моя фея, — улыбнулся Антон. — Всё готово? Димка звонил — они с Танькой уже подъезжают. Спрашивали, надо ли что докупить к столу.

— Нет, у нас всё есть.

— Мама у нас фея! — вставил Денис и ухватил кусок буленины. Запрокинул голову, распахнул рот, занёс над ним кусочек и разжал пальцы.

— Денис! — всполошилась я. — Не делай так больше, не дай бог подавишься!

— Все норм, мам! Пап, смотри — всё нарезано идеально, разложено симметрично. И как у тебя так получается, ма? — И в рот моего дорогого подростка полетел кусочек пармезана с сырной тарелки.

Антон подмигнул мне и... ухватил с тарелки домашнюю сырокопченую колбасу! Я только полотенцем ему вслед махнуть успела — его и след простыл!

Прошлась взглядом по столу — ну, осталось только поправить испорченную симметрию после вандального нападения моих любимых мужчин.

Из динамиков фоном лилась лёгкая музыка — что-то из старого французского шансона, как бы нашёптывавшего: «Всё хорошо, ма шери». В окна струилось пение птиц, голоса детей с детской площадки, шум дороги. Дом дышал уютом и праздником — тем, который не в календаре, а на душе.

Друзья ввалились в дом, как и положено — шумно, с цветами, подарками и громкими поздравлениями, тяганием ушей под дружный счёт и шутки, которые сразу срываются в смех, шарканьем обуви, поцелуями в обе щеки, звонкими комплиментами мне и имениннику.

Я улыбалась, принимая цветы, обнимая друзей в ответ, приглашая в гостиную, в которой тут же завязывались разговоры, оживали истории, пересекались события, вливались в одну весёлую реку под названием «праздник».

— Ирэн, а кто это? — шепнула Марина, жена бывшего однокурсника мужа, и указала на молодую девушку.

Я и не видела, когда она вошла. Ей можно было дать лет двадцать пять, не больше. Стройная пепельная блондинка с большими глазами, пухлыми губами и с длинными ногами. В голубом платье, которое подчёркивало всё, что имело смысл подчеркнуть.

И запах — душистый жасмин.

— Не знаю, — ответила я удивленно. И обратилась к незнакомке: — А вы квартирой не ошиблись?

Она тонко улыбнулась:

— Нет, я по адресу. — И тут же перевела взгляд на моего

мужа: — С днём рождения, Антон, — пропела с широкой улыбкой.

Мы с Мариной переглянулись.

— Познакомишь? — спросила она Антона.

— Это Настя. Прошу любить и жаловать, — театрально объявил мой муж и пригласил девицу в гостиную: — Проходи, ложись... эм, садись, знакомься. Тут все свои.

И что-то царапнуло у меня в груди. Кто она такая, черт возьми?

Настя придирчиво осматривала комнату и гостей.

— Давайте за стол! — громко позвал Антон. — А то остынет всё к чертям.

Взял за локоть эту Настю и усадил на стул рядом с собой. Не во главе стола, где сам воссел, один, но как раз напротив моего места.

Она что-то быстро и тихо сказала ему, смотря снизу вверх, а он, чуть склонившись, что-то ещё тише ответил.

У меня внутри что-то дрогнуло. Не громко. Не больно. А так, как бывает, когда кто-то появился в комнате, и ты пока его не видишь, но чувствуешь присутствие.

Но, конечно, я ничего не сказала. Не сейчас. Не перед всеми.

За столом было шумно. Хохот и голоса звучали наперебой, как бывает, когда встречаются старые знакомые и начинают делиться новостями и сыпать анекдотами. А мне не лез в рот кусок. Я старательно улыбалась, отвечала на что-

то сидевшей рядом со мной Татьяне — жене друга детства Антона.

— Боже, скажи, что ты дашь мне рецепт этой божественной рыбы! — простонала она. — Иначе я тебя возненавижу.

— Конечно дам, — ответила я машинально. И внезапно поняла, что голос прозвучал сипло.

Праздник. Дом, полный друзей. А я смотрела на неё. Молодую. Улыбчивую. Лёгкую. Рядом с моим мужем. Который ей улыбался, предлагал блюда, которые готовила я, а когда сыпал остротами, всё время поглядывал на неё, словно только её реакция его волновала.

А она смеялась над его иногда плоскими шутками, порхала наращёнными ресницами, сверкала белыми острыми зубками и слизывала розовым язычком крем с ложки так, будто...

Впервые я почувствовала, как во мне поднимается что-то... чужое. Не ревность, нет. И не боль. Пока ещё нет. Скорее недоумение. Как будто я оказалась в чужом доме, на чужом празднике.

Ароматы блюд всё ещё витали в воздухе, весна всё ещё врывалась в окна, друзья всё ещё смеялись. Всё было по-прежнему. Но что-то уже треснуло. Чуть-чуть. Предательски тихо. Незаметно, если не знать.

В какой-то момент Татьяна взяла меня за локоть и шепнула:

— Ирэн, пойдем выйдем на минутку.

Я кивнула и поднялась следом за ней.

— Вы куда? — спросил мой муж.

Я не успела ответить — Татьяна сделала это за меня, сведя все в шутку:

— Много будешь знать — сразу полтос исполнится.

— Понял, отползаю! — со смешком поднял обе ладони Антон.

— Сорокез сразу в юбилей? — подхватили тему гости, и разговор забурлил об этом.

А Таня отвела меня в кухню и спросила прямо:

— Ты это видишь?

— Вижу. Предлагаешь устроить скандал сейчас?

— Я бы да.

Я тяжело покачала головой:

— Я так не могу.

— Ну... твоё дело. Но, блин...

Таня вернулась к гостям, я задержалась в кухне.

Любимые пионы, привезённые с дачи вчера, пахли уже не так, как всегда — в чудесный любимый аромат будто прокра-лась мерзкая кислинка. Из гостиной доносился шум праздни-ка, взрывы хохота, стук бокалов...

Муж продолжал веселиться как ни в чём не бывало. Под-нял бокал, произнёс тост — за меня, за мое терпение, за то, что я делаю этот дом домом. Спыхватился, что меня нет, и воодушевил всех хором позвать меня, как дети зовут Деда Мороза в детском саду на утреннике.

Я вернулась в гостиную. Натянула улыбку, как маску хирурга — чтобы не заразить других тем, что творилось в душе.

Смех, еда, напитки, гости — всё было на месте. Только я нет. Я смотрела на неё. Молодую. Улыбчивую. С ресницами что как веера, зубами что как лезвия, языком что как грех. Душную, как запах ее духов.

Мой муж — подливал ей напитки. Мой муж — ждал её смеха. Мой муж — смеялся, только когда смеялась она.

Девушка вскинула на меня взгляд — острый, как выстрел. Сверху вниз. С вызовом. С превосходством.

Таня рядом цокнула языком и что-то шепнула своему мужу. Я увидела это краем глаза. И как переглянулись Марина и Надя, сидевшие чуть дальше на другой стороне стола — тоже.

Атмосфера наполнилась чем-то... не тем. Невкусным. Не праздничным.

— Ирэночка, милая, спасибо за вкусный ужин. Антон, ещё раз тебя с днём рождения, но завтра на работу, и нам, пожалуй, пора уходить, — поднялась Татьяна и потянула за собой в прихожую супруга.

Тот, мельком взглянув на хищную пепельную волчицу... то есть девушку в голубом, на меня, перевёл виноватый взгляд на Антона и развел руками:

— Починяюсь мягкой силе.

— Да, Тох, это у тебя свой бизнес — можешь долго спать, а я тоже, пожалуй, отправлюсь с люлю, — взглянув на мол-

ча направившуюся в коридор жену, Павел вытер салфеткой губы и вышел из-за стола в прихожую.

За ними, подгоняемые напряжением, напитавшим атмосферу взрывоопасной дозой ампер, засобирались остальные гости.

Антон хмурился. Вот только что перед ним весь мир был разложен, как шведский стол, — и вдруг такие перемены. Он привык гулять с размахом, а прошло от силы три часа, время всего десять вечера. Он натянуто прощался, хлопал друзей по плечам, смеялся громче обычного, держа лицо. Недовольное. У него отобрали так вкусно начавшийся праздник.

Меня на прощание как-то неловко, торопливо, по обязанности, обнимали, говорили, что всё было вкусно, красиво, что я молодец, что «держись». Последнее особенно громко прозвучало от бывшей однокурсницы мужа Нади. С той интонацией, что как нож под рёбра: вроде бы с сочувствием, а на самом деле — приговор.

Дружеские поцелуи, рукопожатия и напутствия Антону на новую десятилетку жизни закончились. А девица всё стояла у двери — копалась в своей маленькой сумочке, висевшей на плече. Было видно, что тянула время, чтобы...

Чтобы что?

Чтобы вскинуть на моего мужа долгий призывный взгляд, развернуться на каблуках и, вильнув пепельным хвостом, породисто уйти. Антон ответил ей. Не словами — глазами. Коротко, ясно и... унизительно — для меня.

Шум в квартире стих, как утихает прибор после уплывшего корабля, переместился в подъезд и зазвучал возмущёнными, как крики чаек, женскими голосами:

— Что это было?

— Привел прямо в дом!

— Ну а она-то что молчит?!

— Я провожу их, — внезапно сказал мне муж.

И, выйдя за дверь, замкнул её за собой.

Осталась тишина. И я.

Сын в своей комнате — как всегда, в наушниках, в своём подростковом мире, где пока ещё всё просто: игра, друзья, чат. Всё, кроме него, вдруг стало чужим. Я подошла к кухонному окну, машинально посмотрела на улицу. Друзья ещё раз попрощались, кто-то уже садился в такси, кто-то ещё ждал свое. Когда подъехала очередная машина с шашечками, в неё сели Надя с мужем, пепельная девица и... Антон.

Мои пальцы сами потянулись в телефону, лежавшему тут, на тумбе. В груди расплзлось... не боль ещё, не ревность, не злость — что-то другое.

Я вернулась в гостиную. Крошки, недопитые напитки, полупустые фужеры, испорченная симметрия блюд, оплывших закусками, как жидкая глина.

И в этой тишине мне впервые стало по-настоящему слышно, как рушится то, что казалось прочным.

Антон не было уже два часа.

Я сначала сидела в темноте и не отводила взгляда от экрана телефона. Звонила Антону несколько раз. Он дважды сбросил. Потом просто отключил.

Всё моё тело под кожей сжималось от боли, от унижения, от бессилия. В груди копилась глухая вязкая пустота, которую я отчаянно пыталась называть тревогой.

Я помаялась и написала эсэмэс Наде без надежды на ответ — слишком уже было поздно. Но она ответила почти мгновенно: «Мы вышли раньше у дома, они поехали куда-то дальше. Я не знаю куда. Прости».

Он добирал праздник на стороне, когда тот внезапно кончился в его доме.

Ревность все-таки расчехлила свои когти, располосовала ночь на круги: перед глазами, под глазами, под прошедшие без сна часы. Я представляла Антона и Настю вместе. Представляла его руки на ней — те, что еще вчера держали меня. Представляла, как Антон шепчет ей что-то своё, фирменное, из арсенала. *Мое.*

Я подошла к окну в кухне и тупо пялилась на дорогу — ждала, что вот-вот во двор въедет такси, и из него выйдет мой муж.

Уже три.

Хотелось... ничего. Я замерзла. Не от майской ночи — от странного внутреннего холода, продиравшегося наружу через поры кожи, сотрясая тело. Укуталась в плед, забралась с ногами в кресло, стоявшее в спальне у окна напротив дверей комнаты и квартиры. Ждала.

Уже четыре.

В горле и глазах запершило от застрявших слёз.

Каждая минута — укол.

Каждая мысль — как игла в бок.

Антон вернулся спустя еще час. Вошёл неслышно, но как-то очень объёмно, заполнив собой прихожую. За ним, показалось, протиснулась чужая тень.

И запах жасмина. Навязчивый, чужой. Дешёвый. Я с детства не выношу его. Он вонзается в мозг, как жало бормашины в зуб.

Антон прошел в спальню. Вразвалку. Сыто. Удовлетворенно.

— Где ты был? — Собственный голос не узнала.

Он стянул пиджак, бросил на банкетку, прошёл мимо меня.

— Пил. Не видно, что ли? — наконец, пьяно ухмыльнулся.

И душный цветочный аромат гармонично разбавился запахом крепкого алкоголя.

Антон устало стянул с себя уже несвежую рубашку — через голову. Стряхнул штаны, завалился на спину, заняв по-

чти всю кровать.

Я не смогла лечь на неё. Сидела в кресле. Меня затрясло ещё сильнее. Корка льда, что прорвался наружу и сковала тело дрожью, осыпалась с хрустальным звоном бокалов — конечно, только в моей голове.

Я пошла спать в гостиную. Увидела так и не убранный праздничный стол. Стул, на котором сидела пепельная отрава... и не смогла. Не усну тут.

Зашла в комнату сына. Снова спит в наушниках. Благо в них звучала тишина — игровой чат замолк. Осмотрелась, собрала разбросанные вещи, поставила на зарядку телефон. Завтра последний учебный день. Потом летние каникулы.

Вернулась в спальню. Пристроилась на своем краю постели.

Антон храпел по-молодецки сочно. Со свистом и протяжкой. Помаялась... и незаметно уснула.

Проснулась от удара по спине, вздрогнула испуганно.

Но нет — Антон всего лишь перевернулся на бок, почувствовал теплое тело под рукой, подтянул меня к себе. Обшарил руками, задрал халат...

Я выскользнула из его рук. Встала.

Прошла мимо пиджака. Вонь жасмина щёлкнула по носу, как плеткой. Ревность вцепилась в горло. Я не выдержала — разревелась. Тихо, чтобы никого не разбудить. Заперлась в ванной, включила воду.

Какого черта, Антон?! Что происходит, а?!

Взять себя в руки помогли только мысли о сыне. Но в груди клокотало от обиды, ярости, ревности и слёз. От желания орать, визжать и крушить всё.

Вместо этого я завела тесто и принялась готовить салат «Цезарь» и торт «Наполеон». Такая вот боевая компания. Для смелости и поднятия собственной значимости.

Когда на телефоне Антона зазвонил будильник, я вздрогнула. Прислушалась.

Босые шаги. Вразвалку. Как царя по своим владениям. Как будто по мне.

Я обернулась.

— Глаза-то вытри, а то выглядишь как... Как обычно выглядишь, короче, когда себе драму накрутишь, как в дешёвом ситкоме, — протянул Антон, зевая.

— Ты был с ней.

Сказала просто, без истерики. Но чего мне это стоило...

Ты привел её прямо в дом. Ты меня унизил. На глазах у всех друзей.

Повернулась, держа ложку перед собой.

Антон усмехнулся.

— С кем — с ней?

— С Настей.

— А-а... Началось...

Во мне что-то вскинулось.

Он смотрел в упор. Ждал.

— Когда ты так обнаглел? Ещё вчера утром всё было нор-

мально.

— И сейчас нормально.

— Нормально?! Привести домой шлюху — это теперь нормально?! Смотрел ей в рот весь вечер, потом ухал с ней. Просто! Взял! Сел в машину! И уехал! — прошипела я.

— Ты обороты-то сбавь, — надавил ледяным голосом. — Настя — моя помощница. Она была первый раз в нашей компании, я просто проявил гостеприимство. Отвез её домой и пил в баре. Один. Но ты же всё равно не поверишь.

— Я не дура.

— Нет, ты хуже. Ты — обиженка. А это вообще некрасиво. Особенно в твоём возрасте. Вот стоишь дрожишь, как школьница, которой парень после траха не перезвонил, в жалкой попытке контролировать хоть что-то. Хотя бы свою ревность. Но даже её не контролируешь...

Дрожу, да. От ярости. От унижения.

— ...С утра мозг выносишь. Я и так не выспался, а у меня контракт сегодня на подписи. И если он не выгорит — ты виновата будешь.

Вот он — финальный штрих. Неожиданно ловко перевернул доску, перевалил вину на меня, поставил меня на край.

Я засмеялась. Резко, хрипло. Смех вышел похожим на надорванный крик.

— Конечно. А ещё я метеориты притягиваю и дождь вызываю. Может, тебе зонтик подать, а то Вселенная вот-вот обрушится, и снова я буду виновата?

Антон поджал губы. В глазах — скука смертная.

— Устал я от тебя, Ирэна Ты же взрослая женщина, в конце концов. Уймись наконец.

Я швырнула ложку в миску с салатом. Цезарь мне мало помог, а Наполеон ещё не был готов.

— Ну, если я такая утомительная, зачем ты вообще домой вернулся?

Антон изменился в лице.

— Ты зависишь от меня. Смотришь на меня снизу вверх. И делай это красиво, ладно? Потом поздно будет.

— Ты же с ней спал.

Без вопроса сказала. Без дрожи в голосе. Просто констатировала факт.

Антон хмыкнул.

— А если и да? Что дальше? — А в голосе ни вины, ни сожаления. Только глухой презрительный интерес — что я смогу ему ответить. — Ты не свободная женщина, Ирэн. *Ты у меня в залоге...*

Меня словно сжали в кулаке.

Антон подошёл ближе.

— ...А ещё — ты меня любишь. Даже сейчас. **Особенно** сейчас. Знаешь почему? *Потому что я — твой центр. Без меня ты бы уже вообще развалилась.* А пока ещё есть зубы и ресницы. И еще я. И ты меня ревнуешь. Я тебе важен. И *ты никуда не денешься. Потому что боишься остаться одна.*

Я стиснула зубы. Он коснулся рукой моей щеки. Я отшат-

нулась.

— Уйди.

— Серьёзно? — усмехнулся гнилостно.

— Не трогай меня.

Он пожал плечами.

— Как знаешь. Я хотел отдать тебе супружеский долг. Но раз ты мне его простила...

Шагнул в сторону, к кофеварке. Вставил капсулу. Свист пара, чавканье насоса. Всё, как обычно. Как будто ничего не случилось. Как будто я просто всё надумала.

Я опустила на стул. Антон сел напротив. Он просто пил свой кофе. Как каждый день, сотни раз. Я молчала. Антон сходил в спальню, взял пиджак и прошёл мимо меня, окатив прокисшим запахом жасмином. Скривил нос, потянув его в сторону гостиной:

— Стол-то могла за ночь убрать? Всё равно не спала. Во-няет уже. И мухи кружат.

И ушел. Дверью хлопнул. Я осталась одна. В кухне, где пахло кофе, салатом и моим унижением. Я закрыла глаза.

Дайте воздуха. Я не могу дышать...

— Мам, что-то случилось?

Сын вышел сонный, потирая глаза. Я выпрямилась, с трудом натянула улыбку. Фальшивую, но старательно подогнанную под привычный материнский образ.

— Доброе утро, сынок.

— Мам, а ты чего? Плакала? — нахмурился.

— Не выпалась просто.

Денис всё ещё смотрел подозрительно.

Я сделала какао и горячий бутерброд. Поставила перед ним.

— Ешь. И я отвезу тебя в школу.

— Ура-а! У меня есть целых пятнадцать лишних минут! Досмотрю вчерашний матч на повторе! А то уснул и не видел, кто победил. Представляешь, Барселона...

Он ел и что-то воодушевленно говорил. А я смотрела на него, словно в последний раз. Скоро он вырастет и уйдёт в собственную жизнь.

— Ты у меня самый классный, ты знаешь? — прошептала.

Он хмыкнул, смутившись.

— Мам, ну ты чё? Прямо как в дешёвом кино.

Он засмеялся, а я внутренне сжалась. Так и есть. У нас в доме мелодрама. С элементами боевика и кулинарного шоу. У нас — *дешевый ситком*.

Мы вышли с сыном на улицу. Я села за руль, он устроился рядом с рюкзаком, полным учебников. Сдаст сегодня, посидит на чаепитии, съездит с классом на экскурсию, и всё — каникулы.

Я держала руль мёртвой хваткой. На красном светофоре бросила взгляд в зеркало заднего вида. Увидела свои глаза. Пустота осела в них, как тяжёлое тесто.

Возле школы остановилась. Поцеловала сына в щеку, в макушку.

— Ма, ну видят же. Чё я, маленький? — взбунтовался сын и выскочил из машины.

А я осталась. Снова одна. В тишине. Как в том чате, из которого все вышли.

Солнце врезалось в жалюзи полосами, расчерчивало пол решёткой. Я металась по этой клетке. Их было три, и в каждой из них мне вынесли приговор.

Спальня. Кухня. Гостиная.

Простыня измята, подушка пахнет Антоном. И жасмином. Я в этом душном запахе уже почти сутки, как в токсичном облаке. В голове возникают картины: как он стонал, с ней, где(?), на каком белье...

Зачем? Зачем я всё это представляю? Зачем рисую воображением кадры, как она гладит его спину, а он мурчит, как сытый кот, целует её?

А-а-а-а!..

Вот в этом кресле ночью я рыдала. Без слёз. Всем телом. Дышала рвано, тяжело, со свистом в сердце. Комната казалась чужой, затхлой, как старая театральная декорация, где актёры давно ушли, и даже пыль забыла их имена.

Кухня... Алтарь моего унижения. Утром Антон стоял тут с кружкой кофе, с комками сна в глазах, и говорил без тени сомнения:

— *Ты не свободная женщина, Ирэн. Ты у меня в залоге... Всё, что у тебя осталось — это я. И ты ревнуешь. Значит, я тебе важен. И ты никуда не денешься. Потому что боишься остаться одна.*

Я не могу... Недо-Наполеон в мусорку.

И вопль из горла. Клокочет, бурлит, закрывает дыхание, но не вырывается наружу. Скорее вон... Вон отсюда.

Гостиная. Стол ещё накрыт. Салфетки со слезами вина. Фужер с отпечатком чужой помады.

Вещи смотрели равнодушно: кресло, где он сидел, бокал, которого касались ее пальцы. Всё осквернено. Всё чужое.

Он привёл её *в дом*. Не просто в жизнь. Не в фантазии. Не в смс под подушкой. В *наш дом*. Сюда, где висит семейное фото, на котором он держит меня за талию, словно защищает. Сюда, где осталась чашка сына. Где лежит плед, который я вязала для него. Сюда, где живет его женщина, жена, мать его сына.

Он. Привёл. Её. Сюда.

На свой праздник, где были наши друзья — люди, что ещё днем называли меня по имени, а вечером смотрели сквозь.

Как будто я — уже не жена.

Как будто я — уже тень.

И ушёл с другой. Не крадучись, не ночной крысой. На моих глазах.

Всё тут стало слишком — воздух, вещи, тени, звуки.

Вопль вспорол горло. Громко. Чужим голосом.

Бросилась в ванную, схватила длинный таз.

Сорвала скатерть — со звоном, грохотом, переливами катастрофы. Всё полетело: салатницы, бокалы, тарелки, чёртов фарфор с голубыми цветами, японский сервиз...

Вытряхнула в мусоропровод. Слушала стеклянные слезы разбившейся любви. Моей. Рассыпавшейся, ссыпавшейся в утробу пожирателя отходов.

И тишина.

Ванная. Вода в лицо. Только оно не отмывается от ревности. Она под кожей. Под веками. Под ногтями.

Я ревела беззвучно. Слезы лезли, как кровь из вены — без остановки. Хотелось лечь и не вставать. Хотелось под дождь. Под машину. Под таблетку.

Упала в коридоре — сползла по стене, обняла колени и зарыдала.

— За что, Антон? Почему ты так со мной?! Я тебя не ломала, не рвала, не бросала! Я тебя любила!

Я не выдержу, если он придёт домой в облаке жасмина. Не выдержу. Я не смогу.

Поднялась на ватные ноги. Взяла телефон и ключи от машины.

Как добралась до Юлиной студии — не помню. В студии пахла кофе и металлом. Белые стены. Фонари. Тени на свету.

Юля всегда была другой. Строгой. Не в одежде — во взгляде, в словах. Она любила людей, но не прощала им глупости. Особенно той глупости, что повторяется.

Юля встретила меня спокойно, молча. Только кивнула — мол, садись. Дыши.

— Он... — начала я, слёзы вырвали голос из души. —

Он...

Я кричала. Рыдала. Орала. Юля молчала. Потом поставила чайник. Подошла и обняла сзади. Стиснула. Постояла.

— Ты уже давно одна, — сказала она тихо. — Просто в браке. Ты стала удобной.

Эти слова провалились куда-то под рёбра. В самую середину. Как будто кто-то наконец дал диагноз, который ты и так знал, но боялся прочесть вслух.

Ты уже давно одна. Уже давно. Не теперь. Не отныне. Давно.

Я стала удобной.

«Ты — не свободная женщина, Ирэн. Ты — в залоге...»

Юля не сказала больше ничего. Не произнесла ни обвинений, ни укоров. Хотя они были, как подкладка под платьем, как слова между строк: *Я же тебе говорила. Сколько раз говорила?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.